

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СССР: ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация

В статье рассматривается влияние политики коренизации 1920–1930-х годов на формирование национальных политических элит в союзных республиках СССР. На основе сравнительного анализа среднеазиатского опыта выявляются региональные особенности вовлечения национальных кадров в партийно-государственные структуры. Показано, что сочетание языковой, кадровой и образовательной составляющих коренизации способствовало институционализации национальных элит, обеспечивая управляемую интеграцию республик в советскую систему.

Введение

Становление системы государственного аппарата в СССР невозможно было без создания нового слоя управленцев, ориентированных на реалии национальных реги-

онов. Специфика формирования кадрового состава государственных служащих, способных совмещать партийную лояльность с пониманием местных условий, представляет

ШИРОКОЖУХОВ Александр Александрович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: shirokozhuhovaa@gmail.com

Ключевые слова: коренизация, национальные элиты, национально-языковая политика СССР, управленческие кадры, партийно-государственный аппарат, Средняя Азия

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_120

собой актуальную проблему отечественной исторической науки. В этом контексте особое значение приобретает анализ политики коренизации, ставшей в 1920-е гг. институциональной основой советского национального строительства.

Официально закрепленная постановлениями XII съезда РКП(б) (1923), политика коренизации была направлена на вовлечение представителей титульных наций в систему государственного и партийного управления союзных и автономных республик. Ее ключевая задача состояла в формировании управленческих кадров, владеющих языком, культурой и социальными особенностями местного населения [1]. Через механизм коренизации советская власть стремилась обеспечить лояльность бывших окраин империи, превратив национальные территории из потенциальных центров сепаратизма в политически управляемые элементы новой федеративной системы.

Особую значимость эта политика приобрела в республиках Средней Азии. Здесь она сочетала идеологическую задачу укрепления советской власти с прагматической необходимостью ликвидации кад-

рового дефицита, вызванного низким уровнем грамотности и слабым развитием национальных административных традиций. Формирование местных кадров проходило в условиях столкновения русифицированных управленческих структур с новой генерацией национальных элит, получивших образование в рабфаках и партийных школах. В результате в 1920–1930-е гг. в Средней Азии возникла социальная прослойка национальных партийно-государственных работников, ставшая основой управленческих элит союзных республик.

Настоящее исследование ставит целью на основе новейшей литературы и архивных данных проанализировать особенности реализации политики коренизации управленческого аппарата на территории республик Средней Азии и ее влияние на формирование национальных политических элит. Рассмотрение данного процесса позволяет выявить двойственную природу советской национальной политики – как механизма интеграции периферии в общесоюзную государственность и одновременно инструмента воспроизводства управляемых, лояльных центру элит.

Особенности реализации политики коренизации в Средней Азии

Политика коренизации, начатая в СССР в 1920-е гг., была важнейшим механизмом интеграции титульных наций в управленческие и партийные структуры. Ее реализа-

ция в союзных республиках Средней Азии происходила в рамках единой государственной линии, однако в каждой из республик она имела собственную специфику,

связанную с этнолингвистическим составом населения, уровнем образовательного и кадрового потенциала, историческим наследием и политическим контекстом.

Начало политики коренизации в Казахской АССР ознаменовалось принятием КазЦИК декрета 22 ноября 1923 года. Этот документ предусматривал введение казахского языка в официальное делопроизводство. Согласно утвержденному плану, в период с января по июль 1924 года весь документооборот в казахских волостях должен был полностью перейти на родной язык. Для эффективного надзора за ходом коренизации был сформирован специальный контролирующий орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. Уже к концу 1923 года она масштабировала свою деятельность, учредив губернские и уездные подразделения.

Другим ключевым направлением было целенаправленное продвижение казахов в органы управления. С начала 1920-х годов в республике действовала система «процентных норм», устанавливавшая долю представителей коренной нации в государственных учреждениях. Этот подход иллюстрирует, например, приказ начальника милиции КазССР, предписывавший при комплектовании Краевой школы среднего состава милиции учитывать «процентное отношение национального состава и потребности каждого уезда» [2]. Однако эта модель оказалась неэффективной и в середине 1920-х гг. была заменена на более гибкий кадровый подход.

Реализация коренизации в Казахстане сопровождалась открытием национальных школ, курсов и рабфаков, направленных на подготовку специалистов из числа казахов. Тем не менее, как отмечает А.П. Мясков, «результаты политики были противоречивыми: с одной стороны, выросло число казахов в административных структурах, с другой – сохранялось доминирование русских на ключевых позициях» [3]. Несмотря на то, что Казахстан был одним из самых сложных регионов бывшего СССР для регулирования межэтнических процессов [4], именно в этот период начала формироваться национальная управленческая элита, интегрированная в партийную вертикаль.

В Киргизской АССР реализация политики коренизации проходила ускоренными темпами, зачастую без необходимой подготовительной базы. Уже 26 февраля 1926 г. центральная комиссия по национализации советского аппарата при ЦИК республики установила предельно жесткие сроки завершения коренизации наркоматов и подведомственных учреждений. Такая директивная плановость привела к формализму и кадровым ошибкам: требуемые показатели достигались количественно, но не качественно. Применение метода «процентной нормы» нередко оборачивалось снижением профессионального уровня чиновников, так как доля представителей коренного населения увеличивалась за счет технического и обслуживающего персонала.

С середины 1926 г. акцент смещается на так называемую функциональную коренизацию – замещение ключевых должностей, от которых зависел переход на родной язык. Для этого была разработана номенклатура из 42 позиций среднего звена административного и хозяйственного аппарата [5]. Однако многие назначенцы, попавшие в органы власти, не имели достаточной квалификации, образования и управленческого опыта. Практика назначения «своих людей» сохранялась как на местном, так и на центральном уровне, что воспроизводило систему личных связей и кланов. В условиях массовой неграмотности и отсутствия управленческой школы такие руководители не могли действовать самостоятельно и фактически утверждали готовые решения, спускавшиеся сверху [5].

Как подчеркивает Д. Аманжолова, в Киргизии «большевики столкнулись с двойным сопротивлением: во-первых, со стороны местного населения, плохо ориентировавшегося в советской системе, а во-вторых – со стороны уже сложившегося русифицированного аппарата, не желавшего уступать позиции» [6]. Несмотря на это, к середине 1930-х гг. в республике удалось сформировать первую волну киргизской номенклатуры, включая женщин, что стало возможным благодаря деятельности женотделов и комиссии по улучшению быта трудящихся женщин.

Наиболее развитую форму коренизация приняла в Узбекской ССР (до 1924 г. – Туркестанская АССР,

также включала в состав Таджикскую АССР до 1929 г.), где политика узбекизации стала предметом официальной государственной программы. В 1931 году было принято постановление президиума ЦИК об узбекизации государственного аппарата [7], в рамках которого начался масштабный перевод делопроизводства на узбекский язык и обязательное изучение узбекского языка служащими.

Еще раньше, в начале 1921 года, в Ташкенте прошел языковой и орфографический съезд, инициированный членами общества «Чигатай гурунги» и получивший поддержку Народного комиссариата просвещения. В ходе этого съезда был официально реформирован существовавший алфавит, поскольку его архаичность существенно затрудняла обучение грамоте, препятствовала развитию школьного образования и общему культурному прогрессу. Одновременно были утверждены новые орфографические принципы, разработанные «Чигатай гурунги».

Дальнейшим этапом стало принятие на IV сессии Всесоюзного Постоянного Комитета СССР в 1926 году решения об учреждении Центрального комитета по новому алфавиту. А на конференции в Самарканде в мае 1929 года было принято решение о переходе на латинскую графическую основу. В процессе разработки и последующей имплементации нового узбекского алфавита и соответствующего правописания ключевую роль сыграла плеяда выдающихся уче-

ных и литераторов, среди которых Фитрат, Ашурали Захири, Чолпон, Гази Олим, Каюм Рамазан, а также авторитетные деятели культуры и представители национальной интеллигенции, внесшие значительный вклад в это историческое преобразование.

Как отмечает Т.М. Тогаев, переход на латинскую графику в Узбекистане в рассматриваемый период не являлся исключительно результатом директивного давления или внешнего обязательства со стороны советской власти. Напротив, ведущие представители интеллектуальной, культурной и политической элиты республики рассматривали транслитерацию узбекской письменности с арабского алфавита на латинскую основу как жизненно необходимую для национального развития и будущего [8].

Узбекизация сопровождалась созданием специализированных образовательных учреждений, включая вечерние университеты, техникумы, рабфаки и курсы повышения квалификации. Однако, несмотря на количественный рост кадров, сохранялись существенные структурные проблемы: большинство учреждений продолжали делопроизвод-

ство на русском языке из-за нехватки квалифицированных сотрудников, владеющих узбекским [9]. Коренизация способствовала формированию первой узбекской элиты, но ее влияние было ограничено рамками республиканского уровня – выход на союзный уровень оставался затрудненным [10].

Анализ показывает, что политика коренизации в Средней Азии в целом имела единую стратегическую направленность – способствовать укоренению советской власти в традиционно религиозных и этнически обособленных регионах. Национальные элиты, сформированные в ходе коренизации, сыграли ключевую роль в политическом и социальном развитии республик. Несмотря на ограниченность их влияния на союзном уровне, в рамках республиканской системы они стали носителями идеологии, организаторами социального модернизма и проводниками политики центра. В этом контексте коренизация выступила важнейшим фактором становления управленческих структур в национальных республиках СССР и модернизации политической культуры титульных народов Средней Азии.

Плюсы и минусы политики коренизации

Политика коренизации, по выражению китайского ученого Лю Сяньчжуна, стала «главной линией национальной политики» того времени и была направлена на институционализацию равноправия на-

родов, ранее лишенных культурной и политической субъектности [11]. Эта политика принесла как значительные успехи, так и вызвала ряд противоречий, последовательно выявлявшихся в ходе ее реализа-

ции, особенно в республиках Средней Азии.

Среди положительных результатов следует прежде всего отметить, что коренизация впервые обеспечила реальное участие титульных народов республик в управлении и партийной жизни. Уже к 1932 году доля коренного населения в партийных организациях республик Средней Азии составляла около 50% [11]. В Узбекистане это сопровождалось не только увеличением числа узбеков в аппарате, но и продвижением женщин в сферу образования и госслужбы, созданием курсов узбекского языка и поощрением делопроизводства на родном языке [9].

Несмотря на трудности, которые препятствовали организации делопроизводства на языках среднеазиатских республик, острую проблему алфавитизации бесписьменных языков [12], коренизация позволила развернуть широкомасштабную кампанию по созданию национальной письменности и школьной системы на родных языках. Так, к 1927 г. преподавание на родном языке велось в 94% начальных школ Киргизии [11]. Это сыграло важную роль в формировании национальных элит, подготовленных на родном языке и включенных в советский идеологический и административный контекст.

Как подчеркивает А. П. Мякшев, политика коренизации обеспечила «широкую социальную базу советской власти в национальных регионах», смягчила колониальное наследие и стала ин-

струментом модернизации, пусть и насильственной, кочевых и аграрных обществ [3]. Она воспринималась как «компромисс» между центральной властью и народами СССР, позволявший выстраивать лояльность элит за счет признания их идентичности [3].

Однако вместе с этим проявились и серьезные проблемы. Одним из системных изъянов коренизации было то, что политика позитивной дискриминации в пользу «местных» автоматически вела к дискриминации «неместных», прежде всего русских, а также к появлению «новых меньшинств» внутри национальных республик [11]. Эта политика создала «новую иерархию этничностей», где статус и привилегии определялись не индивидуальной лояльностью к режиму, а принадлежностью к титульной нации [3].

Коренизация также стимулировала рост местного национализма, который в ряде случаев перерастал в стремление к политической автономии или ревизии положения русского языка и культуры. Некоторые исследователи, включая Лю Сяньчжуна, считают, что именно коренизация заложила основы этнополитической мобилизации, приведшей в конечном итоге к дезинтеграции СССР [11; 13].

Кроме того, формирование «коренной» бюрократии в 1930-е годы сопровождалось чистками, в том числе по национальному признаку, что нанесло удар по стабильности вновь сформированных элит. По мнению некоторых ученых,

разгром этнических элит в конце 1930-х годов и ликвидация национальных районов были прямым следствием роста этнического самоутверждения, ранее поощрявшегося самой же властью [3].

Таким образом, коренизация была двойственным и противоречивым проектом. С одной стороны, она успешно способствовала фор-

мированию лояльных национальных элит, модернизации культуры и языка, укреплению доверия к советской власти. С другой – породила новые формы этнического неравенства, провоцировала локальные национализмы и в долгосрочной перспективе стала фактором, подточившим межнациональное единство советского государства.

Заключение

Политика коренизации в Средней Азии стала одним из наиболее показательных примеров того, как советская власть сочетала задачи национального строительства с формированием управляемой бюрократии нового типа. В условиях слабой административной традиции и многоэтничного состава населения она выполняла одновременно интеграционную и мобилизационную функции. Опора на местные кадры позволила легитимировать советскую власть в регионе, сделать ее понятной и «своей» для титульных народов. Одновременно через систему партийных школ, рабфаков и языковых курсов формировался кадровый резерв, нацеленный на обслуживание интересов центра и воспроизводство советской модели власти в национальной оболочке.

Среднеазиатский опыт показал, что коренизация способствовала росту грамотности, институционализации национальных языков, созданию инфраструктуры образования и культуры. Вместе с тем она

породила и внутренние противоречия: зависимость карьерного роста от этнической принадлежности, неустойчивость новых элит, бюрократическую замкнутость республиканского аппарата. Усиление этнополитического компонента в кадровой политике в дальнейшем потребовало его корректировки, что выразилось в частичных отступлениях от принципов коренизации уже в конце 1930-х годов.

Несмотря на противоречивость, коренизация заложила социально-политические основания для формирования национальных элит, ставших опорой государственного управления в союзных республиках. Эти элиты определяли кадровую и идеологическую преемственность республик вплоть до распада СССР, что позволяет рассматривать политику коренизации как одно из ключевых звеньев в эволюции советской государственности и как фактор, предопределивший специфику постсоветского национального развития Средней Азии.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. Т. 2. Изд. 9-е. М.: Политиздат. 1983. 446 с.
2. Анисимова И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 21–27. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-02
3. Мякшев А.П. Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 46–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51
4. Казиев С.Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в Советском Казахстане (1923–1936 гг.) // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 29–32.
5. Эшанкулова Н.А. Состояние политической элиты Кыргызстана в 1920–30 гг. // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. № 2020. № 1. С. 39–42.
6. Аманжолова Д. Проблемы этнополитического развития кыргызов в советский период // Известия НАН КР. 2025. № 1. С. 93–101.
7. Постановление президиума Центрального исполнительного комитета. По докладу правительства Узбекской ССР об узбекизации государственного аппарата, вовлечении рабочих в производство и подготовке и переподготовке кадров в Узбекской ССР. 23 ноября 1931 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. № 338. 9 декабря 1931 г.
8. Тогаев Т.М. Реформирования письменности в Узбекистане в 20-годах прошлого столетия // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2022. Vol. 2. Issue 6. Pp. 423–434.
9. Рашидов О.Р. Некоторые проблемы политики «коренизации» советской власти в Средней Азии в 20-е гг. XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.). Материалы международной научной конференции. 2017. С. 172–177.
10. Эргашев Ш. Из истории формирования национальной политической элиты Узбекистана // Экономика и социум. 2020. № 12 (79). С. 1–9.
11. Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41–49.
12. Мамышева Е.П. Коренизация государственного аппарата в СССР: теория и практика (1920–1930-е гг.) // V Центральноази-

атские исторические чтения. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Кызыл. 2022. С. 125-130.

13. Миронов Б.Н. Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 33-48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9

SHIROKOZHUKHOV Alexander A. – Postgraduate student at the Russian State Social University, Russia, Moscow, email: shirokozuhovaa@gmail.com

Keywords: korenization, national elites, national language policy of the USSR, managerial personnel, party and state apparatus, Central Asia

THE POLICY OF KORENIZATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NATIONAL POLITICAL ELITES IN THE UNION REPUBLICS OF THE USSR: THE EXPERIENCE OF CENTRAL ASIA

Abstract

The article examines the influence of the korenization policy of the 1920s and 1930s on the formation of national political elites in the Union republics of the USSR. Based on a comparative analysis of the Central Asian experience, regional features of the involvement of national cadres in party and state structures are identified. It is shown that the combination of linguistic, personnel, and educational components of korenization contributed to the institutionalization of national elites, ensuring the controlled integration of the republics into the Soviet system.

References

1. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. In 15 volumes, vol. 2. Ed. 9-E. M.: Politizdat. 1983. 446 p.
2. Anisimova I.V. The formation of Soviet power in Kazakhstan and the implementation of the policy of the korenization of the administrative apparatus in 1920-1926. // Proceedings of the Altai State University. 2017. No. 2. Pp. 21-27. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-02

3. Myakshev A.P. Soviet national policy: success factors, uniqueness of historical experience, causes of collapse // *Izv. Sarath. un-ta. New ser. Ser. History. International relations.* 2017. Vol. 17, issue 1. Pp. 4.
4. Kaziev S.S. The policy of korenization and problems of interethnic relations in Soviet Kazakhstan (1923-1936) // *Omsk Scientific Bulletin.* 2015. No. 2 (136). Pp. 29-32.
5. Eshankulova N.A. The state of the political elite of Kyrgyzstan in the 1920s and 30s // *Bulletin of the Bishkek University of the Humanities.* No. 2020. No. 1. Pp. 39-42.
6. Amanzholova D. Problems of the ethnopolitical development of the Kyrgyz in the Soviet period // *Izvestiya NAS KR.* 2025. №1. Pp. 93-101.
7. Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee. According to the report of the Government of the Uzbek SSR on the Uzbekization of the state apparatus, the involvement of workers in production and the training and retraining of personnel in the Uzbek SSR. November 23, 1931 // *News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee.* No. 338. December 9, 1931.
8. Togaev T.M. The reform of writing in Uzbekistan in the 20s of the last century // *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences.* 2022. Vol. 2. Issue 6. Pp. 423-434.
9. Rashidov O.R. Some problems of the policy of "root-finding" of Soviet power in Central Asia in the 20s of the twentieth century // *Extreme in the daily life of the Russian population: history and modernity (on the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917).* Proceedings of the international scientific conference. 2017. Pp. 172-177.
10. Ergashev S. From the history of the formation of the national political elite of Uzbekistan // *Economics and Society.* 2020. No. 12 (79). Pp. 1-9.
11. Liu Xianzhong. The pros and cons of the policy of "korenization" of the USSR in the 1920s // *Ecumene.* 2014. No. 1. Pp. 41-49.
12. Mamysheva E.P. The Korenization of the state apparatus in the USSR: theory and practice (1920-1930s) // *V Central Asian Historical Readings. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference.* Kyzyl. 2022. Pp. 125-130.
13. Mironov B.N. The formation of national elites as a factor in the disintegration of the USSR // *Sociological research.* 2021. No. 8. Pp. 33-48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9

Статья поступила в редакцию 17.07.2025.

Принята к публикации 13.10.2025.